

Шишкова Мария Анатольевна,

Номинация: малая проза.

Хлебушек

Светало. Из темноты медленно выплывали остовы зданий, утопающие в хрустком, словно скомканная бумага, пепле. И пепел этот плотный и рассыпчатый, смешанный со снегом, казался вездесущим. Куда ни кинь взгляд, торчали уродливые огрызки фасадов, чуть подернутые инеем; фрагменты бетона зависали в немислимых положениях - чуть тронь и рухнут. Прутья арматуры протыкали тяжелый от пороха воздух. В искорёженных огнём кусках железа и дерева едва угадывались предметы домашнего обихода и мебель.

Людей не было видно. Жители разгромленного, стертого с лица земли Сталинграда прятались от бомбежек в подвалах, подполах, землянках. И только два маленьких силуэта, ещё окутанные утренней мглой, шурша, пробирались между чернеющих развалин: девочка лет восьми и её братишка тремя годами младше.

- Я есть хочу, - занял малыш, дергая сестру за рукав пальто. Оно было старенькое, драповое на ватине. Пыль плотно в нём засела, отчего одежда, некогда голубая, приобрела серо-пепельный оттенок. Лишь пуговицы, круглые и блестящие, как начищенный самовар, желтели на левой стороне груди.

- Отстань, - отмахнулась Катя и прибавила шаг. Пальтишко было ей великовато. Она сильно похудела и вытянулась, отчего одежда болталась как на жерди. Зато под низ можно было поддеть не одну кофту, а две. Всё теплее. Зима выдалась суровая, снежная, хотя снег быстро таял, приближаясь к разгоряченной после бомбежек земле.

- Я есть хочу, - повторил мальчик и повис на локте у сестры, стягивая рукав вниз. Тот был двухцветным, с широкой манжетой в контрастную клетку. Мама недавно нарастила пальто, порезав шерстяное одеяло на полоски и пришив их в нужные места. Рукава и подол удлинились так, что стали закрывать ладони по самые пальчики и ноги ниже колен. И Катя могла подвернуть свои тощие ладошки и засунуть в рукава целиком.

Малыш был закутан в кроличий полушубок и перевязан пуховым платком вместо пояса - колобок на ножках-прутиках. В таком виде он казался даже упитаннее сестры. Головы детей украшали вязаные шапки с замысловатым узором - бабушкина работа. Ох и мастерица она была! Первые модницы города становилось в очередь, чтобы заполучить тончайшей вязки платки из козьего пуха, легко проходящие через обручальное кольцо.

А потом бабуля неудачно упала с лестницы и сломала шейку бедра. С тех пор не вставала, передвигалась в инвалидном кресле. Когда пришли немцы, она отказалась от эвакуации, заявив, что умрет там, где родилась. Так и произошло. Только смерть была не

от старости, а от истощения: весь свой паёк она отдавала внукам и однажды утром просто не проснулась.

- Тише, Петруша! Смотри! - не поворачивая головы, прошептала Катя и кивнула в сторону. Дети пригнулись, спрятавшись за обугленной кирпичной кладкой, и продолжили наблюдение. Там, в закутке, укрывшись от посторонних взглядов, сидели два немца. Перед ними стоял перевернутый деревянный ящик, застеленный агитационными листовками. Один из фашистов выкладывал на самодельный стол содержимое вещмешка. Первым из недр рюкзака появились сухари. Следом на газету брякнулись поочередно три банки консервов, одна из которых оказалась со сгущенным молоком. И в заключение на ящик приземлилась буханка свежего ржаного хлеба.

- Хлеб! - вскрикнул, не сдержав эмоций, малыш и привстал на цыпочки, чтобы лучше разглядеть продукты. Он вытянул шею и жадно вдохнул морозный воздух. Из тысячи запахов Петя вычленил аромат поджаренной корочки. - Хлебушек! - повторил он и выпрямился во весь рост. А когда увидел консервы, расплылся в улыбке: сгущёнка!

Немцы подскочили, схватились было за оружие, но, разглядев детей, отмахнулись и продолжили завтрак: нарезали толстыми ломтями хлеб, открыли сгущённое молоко и принялись смачно есть.

Дети стояли и смотрели во все глаза. Они уже не прятались. Молча глотали слюны под аккомпанемент урчащего желудка.

- Катя, помнишь Алешу из соседнего подъезда? - обратился малыш к сестре.

- Помню. И что?

- Я слышал, как тетя Клава говорила маме про его семью... Они так голодают, - мальчик перешел на шепот, - что едят собственных блох. Вот - проводят рукой по волосам, захватывают полной ладошкой и едят.

Петруша сделал характерный жест, демонстрируя сказанное. Девочка промолчала. Она была настолько голодная, что сама могла съесть что угодно. И тут случилось неожиданное: один из немцев бросил в сторону детей кусок хлеба.

Мальчик увидел первым - выбежал из-за кирпичей, где они скрывались, и кинулся вперёд. Катя не успела удержать брата, только охнула. Тот схватил ржаной ломоть, упавший в пепельную пыль, и, не отряхивая, принялся жадно жевать. Немцы смотрели и смеялись.

Вдруг Петя замер, оглянулся на сестру и перевел взгляд на остатки хлеба в его ладонях. Быстро засунул кусок в карман и поспешил к кирпичной стене. Немцы что-то прокричали ему вслед, а потом один из них бросил пустую консервную банку ему в спину. Малыш остановился, посмотрел на банку, сглотнул слюну и... Схватил жестянку.

Тут Катя не выдержала. Выскочила из убежища, взяла братика за руку и потянула, уводя в безопасное место, словно бычка на веревочке. Тот послушно шел следом, не выпуская пустую банку из рук.

- Как ты посмел, - ругала малыша сестра, - вот так безрассудно выбежать! Тебя же могли убить! И что я сказала бы маме? Ты о ней подумал?

- Я есть хотел, - промычал Петруша. И вытащил из кармана покусанный ломтик хлеба. Он протянул Кате его и банку из-под сгущенки.

- Там осталось немного, - малыш залез всей ладошкой в жестянку и прошелся по её стенкам. - Смотри, сколько.

Поднял палец вверх, и с него белой струйкой вниз поползла сладкая дорожка. Лизнул её и следом засунул палец в рот.

- Ты хлебушек возьми и попробуй, - учил он сестру.

Катю не надо было долго уговаривать. Она схватила ароматный ржаной ломтик и жадно откусила, потом еще раз, и ещё. Слазила в банку из-под сгущенки и, набрав её на хлеб, засунула бутерброд в рот целиком, но жевать не стала. Медленно рассасывала, растягивая удовольствие.

- Вкусно, же, вкусно? - суетился рядом Петруша, чуть ли не подпрыгивая, довольный тем, что смог порадовать сестру.

- Вкусно, - промямлила она с набитым ртом.

А немцы продолжали смеяться, показывая пальцами на руины кирпичной стены, за которой прятались дети. Кате было горько от того, что они едят подачки врагов, брошенные им как собакам. Горько и обидно. Но разве лучше оказаться среди погибших от истощения соседей, чьи трупы не успевали убирать с улицы неравнодушные взрослые? И этот хлеб со сгущенкой божественно вкусен! Она гоняла по небу сладкий ржаной мякиш и жмурилась от удовольствия.

- Светает уже, пойдем. Скоро мама со смены вернётся, ругать нас будет, - сказал Петруша, дергая сестру за рукав. И добавил, горестно вздохнув:

- Маме-то мы хлебушка не оставили.

- Не оставили, - вторила ему сестра.

Она поправила братику шапку, сползшую набок, достала вязаные варежки из кармана и натянула на свои замерзшие до синевы ладони. Шерсть покалывала пальчики, возвращая им чувствительность, тепло растекалось по рукам, прогревая глубоко, до самых косточек. Дети уходили медленно, как и пришли, как будто через силу переставляя ноги.

Внезапно звук выстрела заставил их пригнуться. Как зайцы, они заметались в поисках укрытия. На углу стояло нечто, отдаленное напоминавшее огромные ворота,

завалившиеся по краям. Конструкция состояла из множества разномастных досок, пригнанных вкривь и вкось и скрепленных между собой ржавыми железными полосками. Дети тут же рванули в сторону деревянного шалаша. К счастью, он был пуст. Следом раздался еще один выстрел.

Ребятишки затаились, прислушались. Тишина. Они сидели, прижавшись друг к другу, и дрожали то ли от страха, то ли от холода. Когда любопытство взяло верх, Катя раздвинула обветшалые доски и посмотрела на улицу. Взору её предстал тот самый закуток, где ещё недавно завтракали немцы: сваленные на бок ящики, разбросанные листовки, откинутый в сторону вещмешок и сами фашисты, лежащие в неестественных позах. Один - с пулей во лбу, а второй - с растекающимся по шинели кровавым пятном на груди.

- Нечего бояться, - сказала она брату. - Это наши немцев постреляли.

Петруша отодвинул сестру и заглянул в щель. Его личико засияло при виде распростёртых тел врагов.

- Захотели Сталинград? Получайте стали град, - радостно процитировал он недавно прочитанную мамой вслух воодушевляющую фразу из «Сталинградской правды».

- Тихо, - прикрыла ему рот ладонью сестра. И тут же снова взяла малыша за руку.

Дети выбрались из убежища и поплелись через руины в сторону, где когда-то стоял их родной дом, а сейчас от него осталась одна стена с зияющими глазницами окон. Где в подвале, замерзающие от холода и изнемогающие от голода и жажды, они много дней и ночей с нетерпением ожидали победы русских солдат над немецкими захватчиками и не теряли веры несмотря ни на что.